

АРХИВЫ ПАМЯТИ

ДЕТСТВО

Иван Мишутин

Архивы памяти. Детство

<https://litres.ru/74159523>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Архивы памяти. Детство» - это тёплая, честная и местами смешная история о дружбе, дворецком детстве, летних приключениях, велосипедах, рыбалке, шалостях, страхах и маленьких открытиях, которые тогда казались огромными. Это книга о времени, когда мир начинался за забором, продолжался на базаре, у водоёмов, возле железной дороги и в зарослях вишни, где обычные листики превращались в героев целых вселенных. В этих воспоминаниях есть девяностые, начало двухтысячных, детская свобода, первая ответственность, глупости, за которые бывает стыдно, и моменты, которые спустя годы становятся особенно дорогими. Это не просто рассказ о прошлом, а попытка сохранить живыми людей, места и ощущения, из которых складывается память.

Иван Мишутин

Архивы памяти. Детство

В детстве кажется, что перед тобой открыты все двери. Даже те, которых ты ещё не видишь. Жизнь в это время такая длинная и беспечная, что от одной мысли о будущем можно сойти с ума. Хочется бесконечно играть, бегать, лазать, исследовать - как будто мир только и ждёт, чтобы ты его потрогал руками.

В детстве почти невозможно быть одному. Тебе нужен кто-то рядом - не обязательно лучший друг, не обязательно навсегда. Просто компаньон. Тот, с кем можно молча сидеть, придумывать глупости, делать важные открытия и быть собой, не объясняя почему.

Наше детство пришлось на девяностые, начало двухтысячных. Взрослые помнят их по-другому: развал, бедность, сломанные судьбы, слёзы, иногда - смерти. Время было жёсткое и совсем не романтическое. Но ребёнок этого не видит. Не потому, что слеп, а потому что его берегут. В первую очередь - родители. Они принимают на себя удары, отгораживают, закрывают собой. Во вторую - детская компания. Та самая правильная среда, где тебя принимают, где можно упасть и встать, где мир всё ещё кажется безопасным.

Наверное, поэтому, оглядываясь назад, я помню не эпоху, а людей. Не время, а того, с кем оно было прожито...

Я не помню, как мы познакомились. Скорее всего - никак.

Наши родители общались. Кто-то зашёл в гости, кто-то снял куртку в прихожей, и в доме появился ещё один ребёнок. Он был младше меня на четыре года. В детстве это пропасть - как будто мы жили в разных измерениях.

Мы не стали друзьями сразу. Не играли вместе. Не делили игрушки. Не строили никаких планов. Он просто был где-то рядом - на фоне, как мебель, которую замечаешь только если споткнёшься. А потом случилось странное: в какой-то момент его уже нельзя было вычеркнуть. Я не помню дня, часа или повода. Помню только, что однажды «он» незаметно превратился в «мы».

Наши дворы разделял всего один забор. Обычные частные дома: огород, ржавые ворота, гараж. Ничего такого, что взрослый человек вспомнил бы через годы. Между забором со стороны улицы и гаражом лежала гора опилок, прижатая листами железа. Место, которое взрослые не замечали вообще. Для них это был мусор. Для нас - неизведанная территория. Гора пахла свежим деревом и старым железом, а мелкие опилки тут же забивались в ладони и под ногти. Именно там началось то, что потом называют дружбой. Не той взрослой, где много слов и мало смысла. А той детской - ещё неиспорченной, когда ты сам чист, как лист бумаги, и не знаешь, что это может закончиться. В одно летнее утро мы как-то встре-

тились именно там: забор, опилки, несколько неловких фраз. И вдруг обнаружили ход - с вершины кучи, под листом железа, и дальше вниз, прямо к земле.

Мы начали запускать туда маленькие камушки. Мы наклонялись, чувствуя, как горячее железо обжигает ладони, и отпускали камни. Секунда тишины - и они вылетали снизу.

В этот момент вокруг не существовало ничего. Ни дворов, ни домов, ни времени. Только эта куча опилок, лист железа и ожидание - выскочит или нет. Всё остальное будто выключали. Это был не современный парк аттракционов где разбегаются глаза от обилия и разнообразия всего, и не игрушка из магазина на любой вкус. Это было наше чудо. Мы возвращались туда день за днём, снова и снова бросали камни, каждый раз замирая, словно проверяли не ход, а саму реальность: работает ли она сегодня. Естественно все это сопровождалось эмоциональными криками и радостью будто с этим камнем что только вылетел, был джекпот на миллион долларов. Но в детстве ценности другие, и черт возьми, это было прекрасно наблюдать за этими камнями, пока однажды этот ход, конечно же, не забился.

В один из летних вечеров мы играли на улице с соседскими ребятами. Они были плюс-минус мои ровесники - шумные, уверенные, громкие. И в какой-то момент среди них появился Ваню - мой друг. И вот здесь произошло то, за что мне до сих пор неловко вспоминать.

Я взял его за руку и начал кружить - как будто в шутку. А

потом намеренно поставил подножку. Он упал тяжело. Разбил лоб. Я помню не столько сам удар, сколько то, что было сразу после: кровь, растерянные лица и тишину. Такую тишину, когда даже улица будто перестаёт дышать. Потом, конечно, были взрослые. Его мама. Моя. Крики, разборки, наказание. Мне тогда знатно прилетело. Но дело было не в этом. Я и сейчас понимаю: я был неправ. Абсолютно. Без «но». Без оправданий. Это не было случайностью - и не было злым умыслом. Скорее, чем-то хуже: я просто не понимал, что делаю.

Наверное, это был первый момент в жизни, когда до меня дошло: можно ранить человека не из ненависти, а из глупости. И это осознание больнее любого наказания. После этого мы какое-то время не общались. И это было логично. С тем, кто ставит тебе подножку, дружить не хочется. В жизни этот закон работает без сбоев.

Но детство живёт по своим правилам.

Спустя какое-то время мы снова встретились у забора, уже с другой стороны гаража. Разговорились. Ни о чём и обо всём сразу. И я отчётливо помню один момент. Он сказал, что, когда вырастет, хочет стать рыцарем. Я, конечно, посмеялся. Начал объяснять, кто такие рыцари, что времена давно не те, что мечи и доспехи остались в книжках.

Он слушал внимательно. Кивал. Даже соглашался. А потом взял палку - гибкую, как хлыст, из молодого клёна - и так меня отделал, что разговор о рыцарях закончился мгно-

венно. Вот так всё и вышло. Меня побил рыцарь.

В детстве время идёт иначе. Оно не тянется и не спешит - оно просто есть. А потом проходит, и в памяти остаются не дни и недели, а отдельные вспышки. Самые яркие.

Наверное, так и задумано. Потому что, если помнить всё подряд - можно не выдержать. Память бережёт нас, оставляя только то, что действительно что-то значило.

Так уж вышло, что по соседству со мной жил ещё один мальчик - Руслан. Он был старше меня года на два. А в детстве это почти взрослый. Он говорил увереннее, двигался спокойнее и знал, как будто, больше, чем я. Мне, конечно, хотелось быть рядом с ним. Хотелось походить на него. Потому что рядом с такими людьми всегда кажется, что ты сам становишься чуть старше. В один из летних вечеров мы сидели у меня во дворе, на песочнице. Воздух был густой - пропитанный запахом цветов, листвы и тем особым, деревенским запахом сараев, который невозможно ни с чем перепутать. Не хватало только одного.

Мы собрали сухие веточки, палочки, чиркнули спичкой - и появился маленький костёр. Слабый огонёк. Дымок. Именно он сделал этот вечер настоящим. Мы сидели рядом с огнём и чувствовали себя взрослыми. Самостоятельными. Как будто нам можно чуть больше, чем обычно. Но, как нож разрезает бумагу, так и один случай в тот вечер разрезал эту идиллию.

Поначалу мы слышали просто какой-то шорох по ту сто-

рону забора - там, где жил Вано. За забором было много зелени, и не сразу можно было понять, кто именно там копошится. Сам забор был ветхий, почти условный - такой, что даже маленький ребёнок мог перелезть его без особого труда.

Мы сделали вид, что ничего не слышим. Продолжили свои важные разговоры - тихо, серьёзно, как умеют только дети, когда им кажется, что они заняты чем-то по-настоящему взрослым.

И тут раздался голос. Тонкий, почти писклявый, но очень уверенный в себе:

— А вот я уже идууу...

— Вот я уже перелезаю через забор...

— Вот я уже одну ножку поставил...

— А вот и вторую!

Я краем глаза понял: сейчас всё закончится. Наш костёр. Наш вечер. Наше чувство, что мы тут главные. Мы с удвоенной серьёзностью начали подбрасывать палочки в огонь, делая вид, что вокруг ничего не происходит. Будто если не смотреть - оно исчезнет. Но Вано был не из тех, кто сдаётся.

— А вот я уже и сам залез!

Мы переглянулись. Стало ясно: сопротивление бесполезно. Мы приняли его в компанию - без слов, без обсуждений,

просто отодвинулись, освобождая место.

И дальше мы уже втроём сидели и смотрели, как огонь медленно ест сухие веточки. Как трещит. Как дым поднимается вверх. И что-то в этом вечере - в огне, в дыме, в этом неожиданном третьем - тихо и навсегда отпечаталось в памяти.

Время шло, и за летом незаметно наступила осень - с её золотыми листьями, серым небом и началом нового учебного года. Точно не припомню в какой класс я ходил - память в этих местах начинает плыть. Но я абсолютно точно помню запах той осени. Его невозможно спутать ни с чем: увядшие листья, сырая земля, первые холода и какое-то особенное, немного тоскливое настроение, которое появляется само по себе и ни о чём не спрашивает.

Этот период в памяти почему-то размытый. Я плохо помню, чтобы мы тогда много общались. Возможно, дело было в школе - новые обязанности, новые заботы, другой ритм. А может, были и какие-то другие причины. Не знаю. Я не хочу придумывать то, чего не помню. Осень будто прошла мимо, оставив после себя только запах и ощущение.

Но когда пришла зима, всё снова встало на свои места.

Со снегом мы вернулись друг к другу, как будто никуда и не расходились. Мы снова были вместе, снова во дворе, снова в движении. Всё было просто и правильно: снежки, санки, лепка снеговиков. Холодные руки, красные щёки и ощущение

ние, что зима — это не помеха, а подарок.

В какой-то момент, мы уже достаточно хорошо понимали, что такое плохо и что такое хорошо. По телевизору шли боевики со Сталлоне и Ван Даммом, и эти образы, конечно, просачивались в нас, даже если мы не до конца понимали, о чём там вообще речь. Мир делился на своих и чужих, на сильных и слабых, на тех, кто выживает, и тех, кто падает.

Игрушек у нас, по правде говоря, было не так уж много. А те, что были, жалко было выносить из дома. Мало ли что: потеряются, сломаются, кто-нибудь наступит. Да и взрослые могли лишний раз поворчать. Поэтому мы старались обходиться тем, что было под рукой. И в какой-то момент нам в голову пришла, как сейчас кажется, по-настоящему гениальная идея. Мы начали делать персонажей из листьев сирени. Обычные листья. Большие, плотные, с хорошей формой. Мы брали их в руки и пальцами аккуратно продавливались дырочки - глаза, нос, рот. Иногда получалось криво, иногда слишком широко, иногда асимметрично. Но именно в этом и была магия. Кто-то из этих персонажей выходил будто специально зловещим - с перекошенным ртом, пустыми глазницами. А кто-то, наоборот, выглядел почти добрым, спокойным, даже немного наивным. Эти листья сразу становились живыми. У них был характер. Судьба. Роль. Они не были просто фигурками - они участвовали.

Мы раскладывали их на земле, перемещали, сталкивали

друг с другом. Начинались целые драмы. Кто-то погибал в бою. Кто-то исчезал без объяснений. Кто-то просто лежал в стороне, будто наблюдая за происходящим. Были и такие, которые со временем просто высыхали. Старели. Теряли форму. И это тоже становилось частью истории. Иногда мы заменяли их новыми. Молодыми. Свежими. И круг начинался снова. И, чёрт возьми, это было невероятно захватывающе.

Мы могли часами сидеть в этих зарослях, полностью погружённые в игру. Вокруг могла идти жизнь - кто-то звал домой, где-то хлопала калитка, проезжали машины, но всё это было где-то очень далеко. Здесь, на уровне земли, существовал другой мир. Наш.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что это были не просто игры. Это был первый опыт придумывания. Создания. Осмысления жизни в самых простых формах. Без слов, без моралей, без объяснений.

Просто лист.

Просто дырочки.

И целая история.

Именно эти игры в листики и стали основой для более объёмной вселенной. Постепенно в неё начали приходить новые обитатели. Появились Робокот, Бэтмены, Человек-паук, какие-то солдатики, имена которых уже стёрлись из памяти. Все они каким-то образом уживались вместе, без конфликтов жанров и логики. Там, где взрослый сказал бы: «так не бывает», у нас всё работало само собой.

Нашей базой был забор между нашими огородами. Тот самый, возле которого росли заросли вишни. С виду - абсолютно ничем не примечательное место. Кусты, тень, земля, ветки. Но внутри этого пространства кипела настоящая жизнь. Там происходили рождения и смерти героев. Там строились домики - из веток, земли, камешков, всего, что находилось под рукой. У каждого укрытия была своя функция, своё назначение. Что-то было штабом, что-то тюрьмой, что-то домом. Всё определялось не заранее, а по ходу истории. И даже аквариум у нас был. Мы брали целлофан из-под пачки сигарет, аккуратно набирали туда воду и опускали внутрь личинок комаров. Мы вылавливали их из бочки - осторожно, почти бережно, и смотрели, как они спокойно плавают в этом самодельном мире. Для нас это было настоящим чудом. Живое, настоящее, наше.

Каких только историй там не происходило. Были погони. Было предательство. Были жестокие бои, где никто не щадил никого. И даже любовь была - в нашем тогдашнем понимании, как это вообще должно выглядеть. Всё это существовало рядом, переплеталось, менялось. Мир не был статичным. Он жил.

Утро часто начиналось именно с этого места. Мы приходили туда и продолжали игру ровно с того момента, на котором остановились накануне. Потом был перерыв на обед - короткий, почти вынужденный. А после снова возвращение. И так до самого вечера.

Вокруг могло происходить что угодно. Кто-то мог звать домой, где-то ругались взрослые, менялась погода, проходили дни. Мир шёл своим чередом. Но одно оставалось неизменным — наша игра возле забора.

Это был наш центр.

Наша константа.

Наш мир, который не зависел ни от чего внешнего.

И, возможно, именно поэтому он так хорошо сохранился в памяти. Потому что это было не просто времяпрепровождение. Это было место, где мы учились придумывать, чувствовать, быть вместе. Без свидетелей. Без объяснений. Просто потому, что нам там было правильно.

Там же, походу дела, мы могли наесться до отвала спелой вишни. Прямо с веток. Не считая, не выбирая - просто тянулись рукой и ели, пока не начинало сводить челюсти от сладости. Иногда рядом оказывались зелёные яблоки, ещё твёрдые, кислые, такие, что после первого укуса перехватывало дыхание. Мы грызли их прямо с ветки, морщились, смеялись, но всё равно доедали до конца. Кто-то мог принести пирожки, только что приготовленные родителями, ещё тёплые. Кто-то доставал огурец и соль. Просто огурец с солью - и это был высший пилотаж, заслуживающий звёзды Мишлен. Всё это уплеталось быстро, с аппетитом, под одобрительные пару матов и обязательное, почти ритуальное:

— Аааа... зае...сь.

Это было сказано не ради грубости. Это было признание

качества момента.

Иногда мы просто сидели там. Ничего не двигали. Не во-евали. Не строили. Просто сидели, прислонившись к забору или корням вишни, и болтали о чём-нибудь. О жизни, как мы её тогда понимали. Размышляли, спорили, соглашались, снова спорили. Мы не всегда понимали, о чём именно говорим, но это и не было важно.

Где-то в это время сталкивались звёзды. Где-то рушились галактики. Где-то принимались важные решения, о которых мы тогда ничего не знали. Но где-то в укромном месте планеты Земля, между забором, вишней и землёй под ногами, было понимание жизни куда глубже, чем Марианская впадина и сложнее, чем поэзия Пикассо.

Потому что это были наши мысли.

Искренние.

Наивные.

Многозначительные.

Без позы. Без зрителей. Без необходимости быть кем-то ещё.

И, наверное, именно поэтому они до сих пор звучат внутри - тише, чем тогда, но куда отчётливее.

Один эпизод врезался в память особенно чётко. Он уже касался не вымышленных миров и не листиков с дырочками вместо лиц. Это были самые настоящие пацанские разборки.

На соседней улице жили ребята, которые почему-то считали, что они лучше нас. Сильнее, взрослее, круче - неваж-

но, по какому именно параметру. Главное, что они чувствовали необходимость нам это доказать. Насколько я помню, их было человек пять. Довольно уверенные в себе, шумные, держались кучей.

И в один «прекрасный» день они забили нам стрелку.

Место выбрали у себя на улице. Почему именно там - понятно. Территория знакомая, своя. С нами тогда был ещё кто-то, но я уже не помню точно кто. Такие детали память стирает, оставляя только общее ощущение.

Бой был странный и, если подумать сейчас, довольно опасный. Стреляли из пистолетов, которые били пулями. А ещё бросались камнями. И то и другое, если бы прилетело как следует, закончилось бы совсем не смешно. Но тогда об этом не думали. Или, скорее, старались не думать.

У них было явное преимущество. Они стреляли из-за своих заборов, прятались за калитками, могли в любой момент исчезнуть и снова появиться. Мы же находились почти на открытом месте, как на ладони. Спрятаться толком было негде.

И всё равно, каким-то образом, нам удалось выйти из этого «боя» без потерь. Никто не был серьёзно ранен, никто не убежал в слезах, никто не упал. Было много шума, криков, злости и адреналина. Сердце колотилось, руки дрожали, но отступать никто не собирался.

В итоге всё закончилось переговорами. Не знаю, кто именно первый предложил, но было принято решение продолжить бой уже на нашей улице. В другой день. По всем прави-

лам, как нам тогда казалось. Мы разошлись, сохранив лица и ощущение, что это ещё не конец.

И вот уже время действительно шло к дню икс. Не быстро, не резко - оно тянулось. Мы это чувствовали каждой клеткой. Этот день жил у нас в голове, даже когда мы делали какие-то обычные вещи. Но чаще всего мы просто сидели.

Сидели на заборе возле моего гаража. Ноги болтались в воздухе, забор поскрипывал, солнце уже клонилось к вечеру. Мы смотрели на улицу, на пыль, на дорогу, и думали. Думали тяжело, обречённо, как будто от этого действительно зависело что-то очень важное.

Как нам их победить. Как выйти из этой истории не пошлём. Как не ударить в грязь лицом.

Мы перебирали варианты. Один за другим. И каждый из них рассыпался ещё в голове. Нас меньше. Их численное преимущество. Они придут с палками, пистолетами.

Мы молчали. Иногда кто-то говорил:

— Не, это не прокатит.

И снова тишина.

А в это время по улице, как обычно, шли коровы. Это был совершенно обыденный, привычный процесс. Они возвращались домой, тяжело ступая, равнодушные ко всему. И, само собой, оставляли после себя «подарки». Куча за кучей. Свежие. Тёплые. Настоящие мины замедленного действия.

Мы сначала даже не обратили внимания. Потом кто-то из нас опустил взгляд вниз. Потом ещё раз. Потом мы перегля-

нулись. И в этот момент что-то щёлкнуло. Вот же оно.

Вот он, ответ, который мы так долго искали. Говно. Обычное коровье говно. Не в переносном смысле. Не как метафора. А самое настоящее, физическое, вонючее, липкое говно, лежащее у нас под ногами. И чем дольше мы на него смотрели, тем яснее становилось: это не просто грязь. Это - оружие.

Мы начали говорить одновременно. Перебивая друг друга. План начал складываться сам собой, без усилий. Это была не просто идея — это было откровение. Мы поняли, что нашли то, чего у них нет. То, к чему они точно не будут готовы.

На следующий день оружие было готово. Мы сделали брызгалки из пластиковых бутылок. Обычные бутылки, ничего особенного. Но внутри была не просто вода. Там была вода с изюминкой. С тем самым секретным ингредиентом. Коровий помёт, тщательно размешанный, до нужной, боевой консистенции.

Это воняло так, что хотелось отойти подальше. Запах был густой, тяжёлый, он будто лип к носу. Мы морщились, матерились, но продолжали. Потому что знали - так надо. Ради победы.

Мы держали эти бутылки в руках и чувствовали странную смесь эмоций. Отвращение. Восторг. Гордость. Стыд. Всё сразу. Это было мерзко. Очень. Но в этом и была сила. Наши «заряды» были готовы. Они ждали своего часа. А мы ждали боя.

И вот тот день всё-таки наступил. Не внезапно - мы его

ждали. Он висел над нами, как гроза. Мы проснулись с этим ощущением, ходили с ним весь день, и даже обычные дела делали как будто на автомате. В голове всё время прокручивался один и тот же сценарий: как всё пойдёт, кто где будет стоять, что, если что-то пойдёт не так.

Бой должен был пройти на нашей улице. И в этом был особый смысл. Это была не просто тактика — это была принципиальная вещь. У себя мы знали каждый куст, каждую ямку, каждый забор. Здесь всё работало на нас.

Мы заранее выработали стратегию. Прямо как взрослые. Серьёзно, без смеха. Один идёт вперёд. Он - приманка. Он затягивает врагов в жерло. Второй стоит в стороне, возле кустов. Именно там было спрятано наше оружие. Он ждёт. Не высовывается. Терпит. А в самый неожиданный момент начинает атаку. И в этот же миг первый подхватывает, и мы вдвоём, с удвоенной силой, даём отпор.

На словах всё выглядело красиво. Но сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на всю улицу.

Наши оппоненты пришли уверенные. С палками. С пистолетами, стреляющими пулями. Они шли шумно, нагло, как будто заранее были уверены в результате. Они чувствовали себя хозяевами ситуации.

Мы сделали всё, как планировали. Затянули их. Дали подойти. Дали расслабиться.

И в тот самый момент, когда они уже почувствовали, что контролируют ситуацию, мы применили наше оружие мас-

сового поражения. Это было мгновенно. Резко. Без предупреждения.

Запах накрыл улицу сразу. Надо было видеть их лица. Это было бесценно.

— Ааааа, это же говно!!! — Ааа, как воняет!!! — Бежим отсюда!!! — Да вы вообще ебану...ые!!! Они бросились врассыпную. Палками уже никто не махал. Про пистолеты забыли моментально. Бой закончился, даже не успев толком начаться. Их уверенность растворилась быстрее, чем запах — а запах, надо сказать, держался знатный.

А мы в это время уже праздновали победу. Мы прыгали. Мы смеялись. Мы орали друг другу что-то бессвязное и радостное. Ощущение было такое, будто мы только что водрузили знамя победы над Рейхстагом. Ни больше, ни меньше. Мы чувствовали себя героями. Тактическими гениями. Абсолютными победителями. Да, мы сами были немного в этой жиже. Да, одежду потом пришлось стирать. Да, пахло от нас ещё долго. Но всё это было неважно. Важно было другое. Мы победили. И на нашей улице после этого стало тихо. Очень тихо.

Наверное, отдельную главу в нашей истории обязательно нужно посвятить появлению в жизни велосипедов. Потому что с ними мир вдруг перестал заканчиваться двором. Он резко раздвинулся, вытянулся вперёд и в стороны, показал новые улицы, новые заборы и новые расстояния.

Мой друг был младше меня, и первое время, конечно, не мог ездить так далеко, как я. Ему быстро становилось тяжело, он уставал, начинал плутать педалями и часто слезал, делая вид, что просто решил посмотреть что-то интересное по дороге. Я это видел, но никогда не торопил. В детстве скорость - не главное. Главное, что ты едешь вместе.

Мой велосипед заслуживает отдельного упоминания. Это было не средство передвижения, а настоящее инженерное чудо. Смесь бульдога с носорогом - другого определения у меня для него нет. Рама от велосипеда «ТАИР», заднее колесо от «Урала», переднее от «Камы». Всё разного размера, разного возраста и разного характера. Он скрипел, жил своей жизнью и временами выглядел так, будто вот-вот развалится прямо подо мной. Но он ехал. И этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.